

**АЛЕКСАНДР
КОНТОРОВИЧ**

ПЕПЕЛЬНОЕ

НЕБО

Выжженная земля

Александр Конторович

Пепельное небо

«Автор»

2011

Конторович А. С.

Пепельное небо / А. С. Конторович — «Автор»,
2011 — (Выжженная земля)

Когда с неба, вместо ласкового дождика, падают хлопья пепла... когда ветер приносит не свежесть лесных запахов, а гарь пожарищ... тогда немислимой ценностью становятся обыденные раньше вещи. Кусок хлеба, банка консервов и простое человеческое тепло. Как выжить в то время, когда, казалось бы, рухнуло всё и на волю вырвались самые низменные инстинкты обезумевших людей? Выход один – остаться человеком и сплотить вокруг себя таких же, как и ты сам.

© Конторович А. С., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Александр Конторович

Пепельное небо

За углом дома что-то стукнуло, и я перехватил поудобнее свое единственное оружие – кусок ржавой трубы. Кого еще там черти несут?

Подкрадываюсь к углу. Тихо, только ветер посвистывает. Если бы тут сейчас был человек, то он хоть каким-то звуком, но себя выдал бы. Нет звуков. Значит, и людей нет? А вот сейчас и глянем...

За углом действительно было пусто, только покачивалась под порывами ветра открытая дверь. Быстрый взгляд – на нанесенном сюда ветром песке никаких следов не видно. Стало быть, никого внутри нет. Это есть гут, мне крыша над головой не помешала бы...

Усевшись около двери на корточки, приваливаюсь спиной к стене. Осматриваюсь. Помещение относительно немаленькое, шесть окон. И даже стекла в них почти целы. Если прикрыть дверь, то не будет сквозняка. В таком случае можно и поспать. Впервые за несколько дней выплусь под крышей. Еще бы и на кровати... Ну, это уже мечты... помещение-то совершенно явно нежилое. Интересно, а что тут было раньше?

Библиотека... надо же! Нет, я супротив книг ничего не имею, сам читать раньше любил – до утра, бывало, засиживался. Но вот сейчас я бы гастроном предпочел. Пусть даже и сельский. До ближайшего супермаркета отсюда топтать... словом, лучше и не думать даже.

Быстрый осмотр помещения ничем меня не порадовал. Разве что около углового окна отыскался графин. Обычный, на вид совершенная древность. Даже пробка рядышком лежала. Вот и проблема с флягой решилась. Здоровата, правда, она будет, но... мне не до жиру.

Отыскав в куче хлама несколько подшивок старых газет, притаскиваю с улицы кусок железа. Надо полагать, это еще с довоенных времен тут сохраняется. Вот и супер. Читать про героические подвиги на своем рабочем месте тружеников калькулятора и кошелька я еще когда задолбался! Оттого и не любил в свое время производственных романов и тридцатисерийных нудных книжонок. Про то, как тяжело жить очередной донне, окруженной со всех сторон черствыми людьми. Если еще учитывать то, что печаталась вся эта розовая хрень на хорошей бумаге, да зачастую с иллюстрациями... В общем, горит это плохо, и дым дюже вонючий. А мне сейчас согреться надо, так что газеты – самое то. Послужат, наконец, чему-то полезному.

Костерок получился правильный, и помещение достаточно неплохо прогрелось. Дым вытягивался в разбитое окно, и дышать тоже можно было вполне комфортно. Решено – здесь и заночую. Поселок (точнее, его остатки), судя по всему, брошен, и людей тут нет. Хорошо это или плохо в создавшейся ситуации? Ну... так сразу и не сказать... Жрать хочется – это так, но вот с какого бодуна меня тут вдруг разносолами кормить начнут? А учитывая то, во что я сейчас одет, вероятность схлопотать свинцовую закуску, которую переварить уже не выйдет, резко повышается. Говорят, в Сибири эков не трогали и даже помогали. Может быть. Только это, надо полагать, было в какой-то другой Сибири и в другой реальности. Во всяком случае, изо всех, кто сумел вместе со мной уйти в лес, в живых остался только я один. Последних двоих моих попутчиков завалили еще вчера утром. Без каких-либо причин. Просто шархнули откуда-то из леса – и все. Не присядь я ботинок зашнуровать, так и лежал бы с ними рядом. А в данном случае – повезло, пуля над башкой, почти впритирку, прошла. Видать, целился мне стрелок аккурат в брюхо.

Но не повезло ему – промазал. Так что могу пока наслаждаться теплом. А то, откровенно говоря, задолбался я уже под кустом ночевать. Это вам не боевой выход – там хоть какое-то снаряжение есть. А тут, кроме опостылевшей эковской робы, ничего нет и не намечается. Поутру надо будет оставшиеся дома просмотреть, может быть, хоть там какая-то одежда оты-

щется. А до того времени лучше будет совлом особо не торговать – не так поймут. Раз уж тут все такие пуганые да вооруженные...

Подбрасываю в костерок очередную порцию газет. Их еще пока достаточно, ночью не замерзну, тем паче, что уже и так теплеть скоро начнет. Зима, слава Богу, закончилась, снега уже не будет. Правда, будет, скорее всего, дождь... ну, хоть не мокрый снег... И то – божий дар!

Почуднее устраиваюсь на ложе, сделанном мною из остатков мебели и нескольких пачек глянцевого журналов. Ты глянь, однако и сюда эта пакость заползла! Не видно, правда, чтобы тут кто-нибудь эту мутотень читал – пачки даже не были вскрыты. Надо полагать, присылали сюда всю эту разноцветную жвачку для мозгов не иначе как по разнарядке. Ибо сильно сомневаюсь, что нормальный работающий мужик стал бы всю эту макулатуру читать. Кроме как в сортире. Хотя... жестковата эта бумаженция для подобных целей. Читать-то еще можно, а вот... организм портить...

Отрываю обложку и цветной (правда, слегка от времени поблекшей) рожей известного «правозащитника» вытираю себе сапоги. Ну вот, сбылась мечта идиота – принес он народу (в моем лице) посильную помощь. Интересно, о чем думали там, в Москве, рассылая сюда пачками подобную макулатуру? Мол, прочтет народ работающий, да проникнется... интересно, чем он там, по замыслам далеких «идеолухов», проникаться должен? Уж точно, не страстью к поголовному насаждению «демократических ценностей». Скорее уж к немедленному мордобою определенных личностей.

Мысленно смотрю на себя со стороны и хмыкаю. Сюрреализм, однако! Целый майор специальных служб, тертый боевик и опер, с немалым стажем военных действий, свернулся на газетно-журнальной подстилке и тихонько дрожит от голода и холода. Собрался бы с силами, выстрогал, для начала, какой-нибудь лук... разжился бы более современным оружием... и начал бы мир под себя ровнять. А тут, нате вам – сiju скорчившись, и от банальной простуды зуб на зуб не попадает.

Ага... строгать-то чем собрался? Нож есть?

Да хренушки! Нет у меня ножа. Вилка есть, в полупустом ящичке отыскал. Так что хоть есть буду, как белый человек. Когда будет хоть какая-то еда...

Спросите себя, как такое может вообще быть? Может, как видите, я и сам такого исхода, откровенно говоря, не ожидал.

А ведь как все начиналось...

– Ну, что скажете, господин президент?

Верховный главнокомандующий повернул стереотрубу и еще раз посмотрел на поле.

Там вертелся танк. Тяжелая машина играючи взлетала на крутые пригорки, исчезала за холмами и вновь шустро выскакивала из-за них. Не было слышно привычного рева могучего двигателя. Только иногда порыв ветра приносил к бункеру наблюдения лягз гусениц.

– Н-н-да... впечатляет... И как долго он вот так может?

– Пока не устанет механик-водитель, – ответил стоявший сбоку невысокий человек в черном пальто. На фоне находившихся в бункере военных он смотрелся совершенно белой вороной. Но никто из них не высказывал своего пренебрежения. Напротив, все они были с ним предельно вежливы.

– Да? И когда же это произойдет? – спросил президент, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Обычно мы их меняем через пять часов, больше трудно работать. Да и это время тоже далеко не все выдержать могут, – ответил коренастый полковник-танкист.

– Устают? А... двигатель?

– Ресурс элемента рассчитан на двадцать часов непрерывной работы, – снова ответил штатский. – Потом он меняется, и через полчаса танк снова готов к работе. Правда, тут уже может не выдержать ходовая часть. Все-таки она не рассчитана на столь длительное передвижение своим ходом. Я имею в виду – непрерывное передвижение.

– Отчего так? – удивленно обернулся верховный главнокомандующий. – Ведь это танк!

– Ну, никто же не говорит, господин президент, что он обязательно сломается! Просто необходим осмотр всех подвижных частей, возможно, замена некоторых элементов. Обычно меняют пальцы... Это же всего лишь металл...

– Надо же... не знал. А у американцев как?

– Еще хуже. Да и у всех так. Они танки вообще к полю боя на трейлерах возят, чтобы вот таких поломок избежать.

– Интересно... И как сложно заменить этот элемент, Павел Петрович? – спросил президент у штатского.

– Он весит всего сто двадцать килограмм, Дмитрий Леонидович. С помощью кран-балки, смонтированной позади башни, элемент выдергивается из гнезда и быстро заменяется. На все это уходит десять минут, иногда больше. В основном, все время уходит на проверку ходовой части танка. Поднять бронеплиту нетрудно, особой квалификации для этого не требуется. Все работы выполняются штатным экипажем. Зато удалось высвободить много места для размещения всего остального. Да и вес танка понизился весьма основательно – двигателя-то нет! А электромоторы весят куда как меньше.

– А как много времени занимает перезарядка элемента?

– Двое суток. Ресурс работы составляет около двух лет. Правда, это пока только теоретическое предположение, мы просто не располагали достаточным запасом времени, чтобы это проверить.

– И его можно применить...

– Везде, где это будет удобно. Гораздо проще таскать за собою станцию перезарядки, чем эшелон с топливом.

– Это действительно настолько выгодно?

– Для того чтобы танк прошел своим ходом двадцать часов, ему нужно несколько заправок и персональный топливозаправщик. Который, кстати говоря, тоже не воздухом питается. Хотя, конечно, с танком его не сравнить...

– Надо же... А с другой техникой вы такое уже пробовали?

– Да, господин президент. С машинами эти эксперименты проводились, с тракторами. У нас на предприятии весь автопарк соответствующим образом переоборудован. Экономия только на топливе позволяет окупить почти все затраты по дальнейшему совершенствованию «Светлячка».

– Это что такое?

– Это мы так элемент питания назвали. Я же писал об этом в своей записке.

– Разве? Ну, значит, это я где-то просмотрел... бывает.

– Мы даже на дизель-электровоз «Светлячка» поставили! Так тут и вовсе...

– Отчего же в данном случае танк?

– Так у нас в соседях испытательный полигон! А их начальник у нас частый гость. Вот и договорились, взяли танк с выработанным моторесурсом, отремонтировали ходовую... На новый-то интереснее было бы, но... – штатский, смущенно улыбнувшись, развел руками. – Министерство обороны заявило нам, что подобные расходы бюджетом не предусмотрены.

– Позвольте! – удивился президент. – Но ведь есть же какие-то в министерстве статьи на разработку новых видов техники и вооружения? Я точно не помню, но суммы там весьма серьезные!

– Так мы же, господин президент, не профильный институт Министерства обороны. На нас эта программа не распространяется. Я уж и на прием к министру записывался... но так и не попал... И если бы не Виктор Степанович... А генералу – так и вовсе выговор объявили!

Стоявший чуть в стороне генерал слегка поморщился.

– Это правда? – обернулся к нему президент. – Простите, запомнил ваше имя-отчество.

– Генерал-майор Тупиков, Михаил Петрович. Совершенно верно, приказом министра мне был объявлен выговор за нецелевое использование техники.

– Но ведь этот танк, если я правильно понял, уже был почти что списан?

– Так точно! Именно что почти. Формально он еще в строю и переоборудовать его я не имею права. Так что – провели все работы как модернизацию силами ремонтно-восстановительного подразделения. С привлечением специалистов НИИ. Так я и указал в рапорте на имя министра обороны.

– Тогда я что-то не понимаю? – пожал плечами верховный главнокомандующий. – Если все так и обстоит, так вас не наказывать надо, а поощрять!

– Министру виднее, господин президент... На мой рапорт была наложена резолюция...

– Какая же?

– «Занимайтесь своим делом!»

– Вот как? – ядовито ухмыльнулся президент. – Ну, ладно, я с этим разберусь еще... Благодарю всех присутствующих, мне это действительно понравилось! Передайте мою благодарность экипажу, молодцы ребята!

Пожав руки всем присутствующим, президент Светлов вышел из бункера. Следом за ним двинулась и его охрана, до сей поры никак себя не обозначавшая и молча наблюдавшая со стороны за всем происходящим.

Проводив взглядом удаляющийся кортеж, профессор Рашников обернулся к танкистам.

– Ну, что? Как впечатления?

Генерал пожал плечами.

– На первый взгляд – вроде бы ничего. Посмотрим... как бы хуже не стало.

– Да ладно вам, Михаил Петрович. Виктор Степанович все время рядом с президентом, проследит. Если что-либо интересное будет, так он мне первому сразу и позвонит. Мы же с ним как-никак третий десяток лет знакомы.

– Что ж он вам раньше-то не помог? Денег подкинули бы, оборудования.

– Того, что нам надо, за границей не производят. Да вы ведь и сами это знаете! А денег... да неудобно как-то было, он все же человек государственный...

– Вы же не себе на дачу их просите? Так чего стесняться-то?

– Ну... – потупился профессор. – Да я... мы и сами понемногу выживаем ведь! Одна только экономия на топливе сколько дала!

– Вот урежут вам в будущем году бюджет на все неосвоенные должным образом деньги, так будете знать! Одна надежда на соседей, хоть они помогут.

– Ну, так и вы ведь рядом!

– Это пока... пока у нас еще есть танковые войска и есть необходимость хоть изредка постреливать из оставшихся машин... Ладно, надо пойти экипажу президентскую благодарность передать. Ребята молодые, им все это в диковинку, приятно будет.

Козырнув, генерал повернулся и зашагал к стоявшему неподалеку «уазу».

– Павел Петрович!

– Да, Игорь? – обернулся Рашников к своему ассистенту.

– У нас тут всё?

- Наверное... Президент ничего не сказал. Так что будем грузить машину.
- А назад когда?
- Я думаю... – профессор покосился на отъезжающие машины военных, – наверное, послезавтра.
- А можно я в Москву съезжу? Тут недалеко!
- Наташу увидеть хочешь?
- Ну да... а то – пока она на каникулы приедет...
- Да какие проблемы, Игорь?! Конечно, езжай! Хочешь, я генерала попрошу, тебя до города подбросят? Он же сам туда и едет, ему командировку отмечать нужно.
- Было бы здорово, Павел Петрович!

Внутри президентского лимузина было тихо. Даже разразившийся дождь, и тот почти не слышался за толстыми стеклами.

- Ну, что, Виктор Степанович?! Что молчим? – спросил президент у своего спутника. Тот, внешне похожий на большую старую сову, молча сидел в противоположном углу автомашины.
- Ты же настаивал на этой демонстрации?! И чего теперь сидишь сычом?
- Вашей реакции жду, Дмитрий Леонидович.
- А что?! Хорошую штуку этот Рашников придумал! Его послушать – так уже завтра можно будет их массово внедрять!
- И куда же?
- То есть? – удивился Светлов. – Как куда? В хозяйство... в промышленность...
- Мощность производства Рашникова составляет от сорока до восьмидесяти «Светляков» в день. Для массового внедрения этого совершенно недостаточно, но...
- Подключим дополнительные мощности! Воронежский радиозавод – все равно без дела стоит!
- ... но этого совершенно достаточно для массового обрушения всего нефтяного рынка...
- Да ладно вам... – президент осекся. – Вы... вы это серьезно?
- Сколько сейчас стоит баррель нефти?
- Сто десять долларов, а что?
- И сколько из этой суммы остается нам?
- Не понял... как это? Я же сказал – сто десять долларов!
- Это покупатель столько платит. Хорошо, перефразирую. Какую часть из этой суммы мы можем потратить по своему усмотрению?
- Ну... – Светлов почесал в затылке. – Около...
- Двадцать один доллар.
- Виктор Степанович! Вы не ошиблись?
- После того как ваш предшественник прилюдно покаялся перед всеми нашими соседями... Да еще и в тех грехах, которые мы не совершали... В общем, заботы о существовании у них теперь еще лет десять точно не возникнет. Вы забыли, сколько мы им платим? Никакая нефть нас уже не спасает. И если цена упадет, хотя бы на десять долларов – бюджету конец.
- Ну, отчего же? Мы же можем временно приостановить все выплаты. Там сидят цивилизованные люди, поймут. Мы ведь не отказываемся от платежей, только временно их заморозим. Пока не выправим свое положение.
- И там поднимется такой крик! Нет там людей, Дмитрий Леонидович, во всяком случае – в руководстве нет. Одни дармоеды, развращенные халявными деньгами за последние пять лет. Вы что же, всерьез полагаете, что там еще хоть кто-то способен соображать? Брать – могут, а вот понимать, да еще и сочувствовать... Вам одного продовольственного вопроса не хватило, чтобы это понять?

Президент нахмурился и отвернулся к окну. Помолчал, побарабанил пальцами по стеклу.
– Ну, хорошо... Но хоть в армии мы же можем это использовать?

Советник усмехнулся и нажал на кнопку на борту автомобиля. Щелкнул, открываясь, подлокотник.

– Вот, берите трубку и звоните министру обороны.

– И позвоню! – Светлов решительно нажал на несколько кнопок.

На некоторое время воцарилась тишина. Ее прерывали только гудки, доносившиеся из трубки.

– Господин президент?

– Я, Сергей Николаевич!

– Здравия желаю!

– И вам не хворать, – буркнул Светлов. – Вам такая фамилия – Рашников – говорит о чем-нибудь?

– Э-э-э... нет.

– А Тупиков? Генерал-майор!

– Ну, я же не могу помнить пофамильно всех генералов!

– А стоило бы... Специалист он неплохой, да и душой болеет за дело. Вы за что ему выговор объявили?

– М-м-м... ах да, помню! Он там какой-то самодеятельностью у себя на полигоне занялся.

Вот за это и схлопотал. Так что тут все правильно.

– Неправильно. Указание ваше я отменяю.

– Но почему?!

– Потому, Сергей Николаевич, что я все еще верховный главнокомандующий! Или вы и это замятовали?

– Никак нет, господин президент!

– Ну, и на том спасибо. Потрудитесь за этим проследить, проверю! Теперь – к делу. Изыщите возможность для проведения всесторонних войсковых испытаний изобретения профессора Рашникова.

– Но на это в министерстве нет денег!

– То есть? Как это нет?

– Тогда мы не сможем завершить в этом году военную реформу. Некрасиво выйдет, уже десять лет об этом на всю страну трубим, и тут – нате вам...

– А из других мест средства взять?

– Разве что из программы международного военного сотрудничества? Но тогда мы не сможем своевременно произвести ротацию наших миротворцев в горячих точках. Что на это скажут наши союзники?

– И сколько их там у нас?

– Тридцать восемь тысяч солдат и офицеров. И соответствующая инфраструктура. Это еще восемь тысяч вольнонаемного персонала.

– Так много?

– Вы сами одобрили эту цифру. Когда подписали договор о военном сотрудничестве с НАТО.

– Не помню там такой цифры.

– А это уже потом установили, межправительственными соглашениями.

– Но у вас ведь есть и другие средства, как раз на подобные разработки?

– Да, эта тема включена в список...

– Ну, вот!

– ... Через три года. И ни днем раньше. Это закон, принятый Думой и вами лично подписанный. Так что через три года, Дмитрий Леонидович, ждем его в гости.

Президент ошалело замолчал... Потом медленно положил трубку и мрачно посмотрел на своего советника.

– Вы знали?

– Предполагал. Оттого и постарался устроить эту демонстрацию именно таким образом – без привлечения официальных структур.

– И вы хотите сказать, что все эти разработки выполнены, а главное – осуществлены, Рашниковым и Тупиковым самостоятельно? Не надо так плохо обо мне думать, хорошо? Я тоже не вчера родился, Виктор Степанович!

– Разумеется, нет. Большая помощь им была оказана Лиговским.

– «Объект 161»?

– Он самый.

Светлов усмехнулся.

– Теперь ясно, откуда ноги растут. Да, атомщикам эта штука очень даже на руку. Скажите, Виктор Степанович, положив руку на сердце, «Светляк» действительно так уж выгоден?

– Более чем. Вы еще не видели последних разработок, там и вовсе...

– Ну, хорошо. Обстоятельства дела мне более-менее ясны. Что дальше?

– А дальше я ожидаю множество самых разнообразных неприятностей. Не только Рашникову и всем, кто с ним рядом, но и нам с вами.

– Ну-ка, давайте, выкладывайте, что у вас там за булыжник заготовлен?

– Министр обороны нам в этом деле не союзник. Влезая в его кухню, Рашников наступал на очень многие, заботливо лелеемые мозоли. Так что финансирование этих разработок имеет смысл проводить по другому ведомству. И в этой ситуации ваш звонок министру очень даже кстати оказался. Не сомневайтесь, информация уйдет куда надо, так что те, кто в этом заинтересован, будут знать, кому прищемить хвост.

– И кому же?

– Мне, кому ж еще? Уверен, что очень скоро до вас доведут длинный список моих всевозможных прегрешений и намеков, что такому человеку не место около главы государства.

– Да? – ехидно усмехнулся президент. – Любопытно будет почитать... Что ж вам такого припасть можно?

– Шпионаж сейчас не в моде, для изнасилования уже не гожусь... Наверное, воровство или еще что-то подобное. Любопытно будет посмотреть, откуда именно это преподнесут.

– А вы сами-то как думаете?

– Ну... Нариманов, скорее всего.

– МВД?

– Им это проще сделать. Слишком многие в стране завязаны на трубу, и никто из них не потерпит даже намека на возможную потерю привычных доходов. А министр внутренних дел слишком лоялен к таким господам...

– Вы серьезно?

– Дмитрий Леонидович! Вы хорошо знаете положение дел в обществе?

– Достаточно.

– Достаточно для чего?

– Чтобы принимать взвешенные решения.

– И как в эту схему укладывается ответ вам министра обороны? Молчите? Не ожидали? Ну, вот еще... на довесок, так сказать... – советник вытащил из своего портфеля несколько листов бумаги.

– Эх, Виктор Степанович, ну отчего вы так консервативны? Вам по должности хороший планшетник положен, взяли бы в секретариате «Айпад-3», как раз новые пришли...

– Не люблю я эти... прикамбасы. Вы читайте, там все кратко изложено.

Спустя полчаса Светлов отложил в сторону бумаги и поднял взгляд на собеседника. Тот сидел, молча уставившись в окно, и рассматривал проносящиеся мимо дома.

– Вы... Вы это откуда взяли, Виктор Степанович?

– Из ваших же материалов. Аналитическая служба такие обзоры готовит каждый день. Только надо уметь их читать.

– А я, по-вашему, не умею?

– Вы больше озабочены внешними делами, Дмитрий Леонидович. А я вот все больше внутрь страны смотрю.

– В армии, действительно, все настолько... плохо?

Советник удивленно приподнял бровь.

– Ну, если для характеристики создавшегося положения вы используете такое слово... то вы куда больший оптимист, чем я. Увы, многое и мне непонятно, но даже и то, что здесь описано, характеризуется иначе. Один вопрос – сколько лет у нас проходит реформа армии?

– М-м-м...

– Семнадцать лет! Вам не кажется, что за этот срок уже можно хоть чего-то достичь? В докладах нашего министра все выглядит красиво, а вот на деле... Престиж военной службы опустили не то что ниже плинтуса, а как бы и не ниже подпола. На молодых парней, не откосивших от армии, еще пока не показывают пальцами, но уже откровенно смеются. И какого отношения от солдат вы хотите после этого ко всем тем, кто находится за заборами их частей? Ездит на шикарных машинах с красивыми девушками? Пьет дорогое виски в ночных клубах? Это *их* должна защищать наша армия? За этих «оттопыренных» они должны класть свои головы?

– Ох, Виктор Степанович, не любите вы нашего министра обороны!

– Он не женщина, чтобы я его любил! Одно его знаменитое высказывание: «Мы что, собираемся с кем-то воевать?» – чего стоит! Ладно бы, если бы он руководил жилкомхозом! Но Левин – министр обороны!

– Он же не военный человек!

– Так какого черта вы его назначили на эту должность? Я вот не военный, так и не суюсь не в свое дело.

– Вы не правы, Виктор Степанович! Сергей Николаевич хороший организатор и грамотный управленец.

– И что ж такого он организовал? А о том, как он управляет... – кивнул советник на пачку листов бумаги, сиротливо лежащую на сидении. – Вы уже и сами прочли.

– Я все же не склонен оценивать происходящие события настолько мрачно, – покачал головой Светлов. – Уверен, что в аппарате Левина еще остались грамотные аналитики, способные принять меры к исправлению существующего положения.

– Приняли уже... В радиусе тридцати километров от МКАД, кроме дивизии Дзержинского, сорок пятого полка спецназа ВДВ и центра в Солнечногорске, больше не осталось воинских частей. Кроме госпиталей. Все прочие выведены в другие места, подальше от столицы. В большинстве частей Подмосковья оружие осталось только у подразделений охраны и в частях постоянной готовности. Там, где служат по контракту. Все остальное сдано на склады временного хранения. Кроме техники, разумеется. Таких складов у нас здесь просто нет. А то бы и до них уже добрались...

– Виктор Степанович! Вы опять за свое? Вопрос решенный, по нему вскоре уже будет соответствующее постановление правительства! Мы не можем выглядеть в глазах мирового сообщества бессердечными негодьями!

– А беспросветными идиотами, значит, можем...

Проводив взглядом удалявшийся за поворот кортеж президента, Чередников повернулся и направился к своему дому. Хорошо, что на этот раз дорога проходила не так уж и далеко от него. «Пораньше домой вернусь» – подумал он. – «Внучка рада будет».

Лифтом советник не пользовался. Благо и ходить недалеко было. Третий этаж, не бог весть какая крутизна...

По пути он вытащил из кармана сотовый телефон, включил. Из служебного телефона вытащил аккумулятор и убрал в карман.

– Михалыч? Это я... Здоров, еще и тебя переживу! Говорил я с ним... Да, без толку! Международное положение, наши обязательства... нас не поймут... Что? Да, окончательное решение. Так что... действуй! Я не хочу еще раз увидеть очереди за хлебом!

Телефонный звонок

– Петрович? Это Михалыч беспокоит.

– Здорово, старый черт!

– Ну, не такой уж и старый... ты на себя-то в зеркало посмотри!

– Ага, значит, с тем, что ты чертяка вредный, соглашаешься?

– Вот же злодей ты языкастый!

– Иначе нельзя, нас язык завсегда выручал.

– Ладно, уел, признаю. Ты как насчет рыбки половить?

– Когда?

– Пятница ноне, давай тогда завтра и зарулим. У тебя как со временем?

– Ну... разгребусь как-нибудь, передвину кое-какие дела. А где?

– Да у меня на хозяйстве есть парочка мест...

– Лады. Заметано, во сколько и где?

– Заеду за тобой. Сапоги не забудь, топко там у нас.

Темно-зеленый «уазик», порывивая мотором, бодро катил по узкой улочке.

– Вон там, слева, поворот есть, видите? – сидевший рядом с водителем молодой парень указал направление. – Там дорогу срезать можно, заодно и со двора заедем. Я по карте смотрел, там проехать можно.

– Хорошо, – кивнул солдат, управлявший автомашиной. – Там ларька какого-нибудь рядом нет? Сигарет бы купить.

– Около поворота во двор должен быть. Наташа мне писала, что там соки и йогурты покупает. Наверное, и сигареты там есть.

Завернув налево, машина оказалась в переулке.

– Стойте, стойте! – всполошился пассажир. – Можно притормозить? Там девушка по дорожке идет, видите?!

Скрипнув тормозами, «уазик» остановился. Хлопнула дверца, и пассажир выскочил на улицу.

– Наташа!

Шедшая по тротуару девушка остановилась и повернула голову на крик.

– Игорь? Ты откуда здесь?

Ее взгляд скользнул дальше и остановился на вылезавшем из автомобиля солдате.

– Это что такое? Ты связался с военными? – ее взгляд резко похолодел.

– Мы с профессором тут в командировке, привезли на испытание новое оборудование! – не замечая изменившегося взгляда, быстро заговорил пассажир. – Я так рад тебя видеть!

– Обожди... – девушка чуть отстранилась. – Как давно ты связался с ... этими... вояками?

– Ах, это! – обернулся к машине парень. – Да меня просто подвезли до города. Павел Петрович попросил генерала, и тот выделил для этого машину.

– Даже так? – язвительно переспросила собеседница. – Профессор тоже купился на посулы военных?

– О чем ты говоришь, Наташа? Мы воспользовались открывшейся возможностью, чтобы проверить некоторые наши изобретения. Тупиков согласился нам помочь и...

– Печально... – покачала головой девушка. – Очень печально, что человек, которому я всегда доверяла, тоже скатился до сотрудничества с реакционной военщиной. Поэтому...

– Поэтому мы не будем слишком спешить со своими суждениями, – вклинился в разговор доселе молчавший спутник девушки. – Наташа, будьте так добры представить меня вашему молодому человеку.

– Ах, простите, Арвид Янович! – вспыхнула та. – Извините мою горячность! Просто всегда тяжело переживать такое... я даже не знаю, как сказать... Это Игорь Масленников, мы вместе учились в школе. Потом встречались, пока я не уехала сюда на учебу. Он всегда придерживался правильного образа мыслей, тем обиднее мне было увидеть его в компании солдат-фонов. Игорь, это Арвид Янович Вейде, ближайший помощник самой Калерии Ильиничны!

– Очень приятно, – пробормотал ошарашенный парень. – Только вот я не знаю, кто такая Калерия Ильинична и чем она знаменита.

– Игорь! – всплеснула руками девушка. – Ты!..

– Стоп-стоп-стоп! Молодые люди, остыньте! – Вейде поднял руки в примирительном жесте. – Давайте не будем ссориться, хорошо?

– Извините, Игорь Петрович, – тронул парня за плечо подошедший водитель, ставя на землю его чемодан. – Вы, как я понимаю, нашли ту, к кому ехали?

– Да-да, спасибо вам большое, – спохватился тот.

– Я могу быть свободен?

– Конечно-конечно! Благодарю вас, вы очень мне помогли!

Солдат понимающе кивнул, козырнул Игорю, и подчеркнуто не замечая его собеседников, обошел их стороной. Сел в автомобиль и хлопнул дверью. Зарычал мотор, и «уазик» двинулся по улице, скрываясь из глаз собеседников.

– Вы, молодой человек, сами того не понимая, – знаменитая правозащитница наклонилась к столу и своими толстыми пальцами взяла с блюда чашку с чаем, – ввязались в позорное дело – восстановление военной машины этой страны! Для образованного человека, а вы ведь образованный человек, самая эта идея должна быть просто омерзительна!

– Но, позвольте, Калерия Ильинична, – смутился Масленников, – речь не идет о создании какого-то оружия! Нам просто негде было взять подходящей техники, вот генерал Тупиков и согласился нам помочь. Исключительно из добрососедских отношений.

– Игорь... – укоризненно покачала головой его собеседница, – вы просто как малое дитя. Не задумывались, отчего именно танк, а не трактор, например? У них что, нету тракторов?

– Ну... есть...

– Так почему же танк? Почему не трактор?

– Я подскажу эту идею профессору, и он...

– Нет, молодой человек, вы так ничего и не поняли... Этой стране нельзя давать в руки ничего сложнее совковой лопаты! Ибо все, сколько-нибудь более серьезное, немедленно будет приспособлено для нужд военщины! Как уже не раз показывала нам история. Или вы им симпатизируете? – Старосадская внимательно посмотрела на Игоря сквозь круглые очки.

– Ну, что вы! – вспыхнул и зарделся от смущения тот. – Я всегда был сторонником демократии и не разделяю взглядов некоторой части наших политиков.

– И очень значительной части, смею заметить! – правозащитница подняла указательный палец. – Увы, но это общество заражено... Ваш долг, молодой человек, довести до сведения прогрессивно мыслящих людей всю информацию о преступных планах вашего руководства.

– Но разве они преступные? У нас ведь и президент демократ...

– У людей, служащих этой стране, иных планов не может быть! Демократ? А где, спрошу я вас, видные деятели демократического общества? Отчего они не рядом с ним?

– Но... мы же ни с кем не воюем, слава Богу! И не собираемся! Вон, даже министр обороны сказал...

– И вы ему верите? Да ни один честный человек в это правительство не попал! Жулики, воры и вруны! Где вы видели их заботу о народе? А наши соседи, столь много претерпевшие от кровавого режима? Доколе мы будем пугалом в их глазах?

– Позвольте, Калерия Ильинична, мы же покаяться перед ними!

– Откупились, хотите вы сказать? Никакими деньгами не измерить и не искупить тот вред, что нанесли мы их культуре, народу и обществу! А вы помогаете возрождать имперскую военную мощь! Чтобы они и впредь продолжали давить все признаки свободомыслия! Вспомните Чечню! А прочие «республики», удерживаемые около Москвы только силой оружия?

– Как же так... наш президент ведь принят на Западе? Ему там руку жмут!

– Как вожаку уличной банды! С ним не хотят ссориться – это так. Не в силах победить страны демократии, Россия еще может утащить с собою в могилу очень многих! Достойных лучшей участи!

– Но что я могу?

– Берите пример со своей девушки! Она не так давно у нас, но уже сделала очень многое для окончательного торжества демократии в этой забытой богом стране! Боритесь и вы!

– Я подумаю... – опустил голову Масленников.

– То-то же! – назидательно подняла палец правозащитница. – Ладно, отпускаю вас к Наташе, она, бедная, уже дождалась вас...

Когда за Игорем закрылась дверь, Старосадская повернулась к Вейде, который все это время молча просидел в уголке, не вмешиваясь в беседу.

– Арвид, зачем вы притащили сюда этого мальчишку? У него же просто голову снесло из-за буйства гормонов. Говорит со мною, а сам только и мечтает залезть под юбку своей девчонке.

– Не скажите, любезная Калерия Ильинична... не скажите... помните, у вашего поэта сказано... э-э-э... вот! «Навозну кучу разгребая, петух нашел жемчужное зерно». Так и мы, роясь в куче этих прыщавых юнцов и недалеких людей, порою открываем нечто весьма серьезное и значимое. То, что он нам рассказал...

– Мне рассказал!

– Ну да, конечно же! Конечно, вам! Так вот, это может весьма заинтересовать очень и очень многих влиятельных людей... Так что, любезная Калерия Ильинична, пусть он лезет, куда хочет. Я ему даже свечку подержу...

Под ногами захлюпало, и генерал Хазин еле успел выдернуть из вязкой глины сапог. Чертыхаясь, он отскочил в сторону.

– Ну, и куда тебя понесло? – хмыкнул следовавший за ним профессор Горюнов. – Ведь видишь же, куда я иду, чего туда-то полез?

– Да срезать путь хотел!

– И чуть без сапог не остался. Хорошо хоть идти недалеко осталось.

Идти и впрямь осталось совсем недолго. Болото ушло в сторону, и перед рыбаками открылось небольшое озерко. На его берегу были сделаны мостки, стояла парочка ведерок и лежало несколько удочек.

– Рыба-то тут есть? Или как? – поинтересовался генерал.

– Обижаешь! – укоризненно поднял палец профессор. – В этом озерке такие караси! Не первый раз тут ловим, место знакомое.

Оба рыбака уселись рядышком с мостками. Для этого на берегу было оборудовано несколько лавочек. Генерал осмотрелся по сторонам.

– Который раз к тебе на объекты приезжаю, все не перестаю удивляться – как это вы так ловко устроились? Ни хрена не видать, ничего нет. И от городов недалеко, а никто на ваши уголья хавальника не разевает.

– Так с умом же все делалось! Те, кто все это задумывал, далеко не лохами были, умели вперед смотреть. А что до земли... так ты небось на помойке себе дачу строить не станешь?

– Что я, совсем из ума выжил, что ли?

– Вот! – удовлетворенно кивнул профессор. – А ежели свалка эта еще и не совсем простой будет... химической или, паче чаяния, радиационной – так сюда и на аркане никого не затащить. А уж про биологические, либо про скотомогильники – и вовсе молчу. Да и других фокусов у нас хватает, сам знаешь...

– Эт точно! Сам и помогал страшилки всякие изобретать. Ладно, Валерий Михалыч, хорош байки травить. Говори – чего хотел?

– Президент таки принял решение по нашему ведомству. Сам понимаешь, какое, раз я тебя позвал.

– Бл...! – генерал ударил кулаком по скамейке. – Интеллигент хренов! И что теперь?

– Пара-тройка месяцев у меня еще есть. Пока они там с западниками добазарятся, пока здесь прикинут, кто и в каком размере что украдет... Без этого, как ты понимаешь, у нас уже ничего не делается. Так что в реальности, может быть, и больше. Степаныч там еще покрутит чуток, но долго тянуть и он не сможет. Я, грешным делом, такой исход предвидел, так что команду своим уже отдал раньше. Причем довольно давно.

– Как давно?

– В прошлом году. Как только намеки кое-какие проскальзывать начали. Ты уж прости старика, но не мог я вот так сидеть и ждать...

– Понимаю. Сам бы так поступил. От меня что нужно?

– Хвосты зачистить надо. В основном – по документам разным. Концы все же остались, и много где. Архивы почистить, с людьми, которые нам оперативное прикрытие обеспечивали, поработать. Легенду им нужную расписать. С ГУИНОм погутарить тоже нужно.

– А они-то тебе зачем?

– Если на этих вот мостках найдут тело сбежавшего зэка, помершего от отравления какой-то химической жутью, как думаешь, дофига желающих тут походить будет? Да в озерке поплавать?

– Как ты уже говорил – на аркане тянуть надо будет!

– А уж западников сюда и вовсе не затащишь... Последнее место, где искать станут.

– Ладно, эту проблему я решу. Выделю тебе своего парня, он волчара опытный да глазастый. Ему тут и рулить. Вот он всю черновую работу и потащит.

Радиостанция тихо пискнула.

– Восьмой?

– На связи, – отвечаю я, не сводя глаз с окна на четвертом этаже.

– Они отказались. Как понял?

– Понял. Отказались. Продолжаю наблюдение. Конец связи.

Позвольте представиться – капитан Рыжов Сергей Николаевич, тридцать лет, женат, детей пока (надеюсь, что только пока!) нет. ФСБ, отдел... впрочем, это не так уж и важно, какой именно. Важно то, что я, вместе со всей нашей группой, уже вторые сутки торчу под окнами этой пятиэтажки, расположенной в одном из спальных районов Москвы. Вы спросите – за

каким хреном? В квартире на четвертом этаже забаррикадировалась группа отморозков-наркоманов. А мы, волею судеб, оказались тут крайними...

Впрочем, начну с начала.

В тот день мы проводили рядовую операцию. Намечалась реализация по одному весьма каверзному делу. Группа великовозрастных обалдуев собиралась передать представителю некой иностранной (разумеется, насквозь дружественной) страны кое-какие железяки, иметь которые данная страна очень бы хотела. Но, увы... относились они к вещам крайне секретным, и передаче в чужие руки не подлежали. А папочка одного из этих дебилов был членом думской комиссии по... короче, он эти железки домой и припер. Уж каким образом он ухитрился это сделать, ума не приложу. Но сделал. Хотя, положила руку на сердце, есть у меня уверенность в том, что ему в этом нелегком деле оказали помощь мои же сослуживцы. Слишком многим он (да и его сынок со своею компашкой) намозолили глаза своим нахальством и беспардонной наглостью. Короче, железяки эти данная группа сегодня и намеревалась передать. Не только за деньги. Ребятишкам была обещана еще и неплохая партия всяческой «дури». Причем самого лучшего качества. А вот мимо такого подарка мы пройти просто не могли! Одно дело поймать сотрудника посольства на приеме развединформации от агента. И совсем другой коленкор – если он будет пойман еще и на передаче агенту наркотиков. За подобные «художества» ему по законам его собственной страны светил срок, причем весьма неслабый. И мы имели все возможности добиться от компетентных органов означенного государства того, чтобы к нему отнесли со всей должной суровостью. Поэтому операцию планировали очень тщательно. Было привлечено изрядное количество специалистов из техотдела, дабы зафиксировать всю сделку самым скрупулезным образом.

Но подобной наглости никто даже теоретически не ждал. Отморозки прикатили на встречу на двух шикарных иномарках в сопровождении хохочущих девиц. Надо полагать, они сразу же после получения «дури» намеревались закатиться к кому-нибудь домой и устроить там неслабый сабантуй.

Представителя посольства от подобной выходки аж покорило. Но поскольку этот дядька был умный и сообразительный, он сделал на своем лице радостную мину и потопал навстречу приехавшим. Передача прошла спокойно и буднично, словно эти гаврики всю жизнь только и делали, что торговали государственными секретами. Получив свое, дипломат прыгнул в машину и на всех парах рванул восвояси. Правда, далеко уехать ему не удалось. На следующем перекрестке ему в бочину впечатался какой-то пожилой дядька на ржавом «жигуле». Да так это все хорошо вышло, что набежавшая для оказания помощи толпа каким-то непостижимым образом выволокла дипломата из заблокированного салона его автомобиля. Немалую помощь в этом оказали наши технари. Именно благодаря их усилиям она заблокировка внезапно отключилась, и прибывшим на место представителям посольства осталось только с грустной миной констатировать наличие у своего сотрудника неких совсем ему не положенных по статусу вещей. Дальнейшие подарки должна была организовать соответствующая служба Министерства иностранных дел, а наша задача теперь состояла в том, чтобы дать этим ушлым ребятишкам в руки убойные доказательства.

И вот тут все пошло боком... Начнем с того, что когда патрульный сотрудник дорожной полиции попытался остановить автомобили этих отморозков, они попросту не обратили на его жест никакого внимания. На следующем перекрестке сотрудники дорожной полиции перекрыли движение. Нимало этим обстоятельством не смутясь, отморозки спокойно объехали пробку по тротуару. Тот факт, что там располагалось летнее кафе, они проигнорировали. Свернув в переулок, парни поддали газу. Через некоторое время их догнал автомобиль дорожной полиции и попытался прижать машины к тротуару. Ему это сделать не удалось. В ответ на призывы через матюгальник прекратить нарушение и остановиться обалдуи показали ему в окно хорошо известный по американским боевикам жест. Тут уж терпение у всех лопнуло.

Получив одобрение от руководства, полицейский, сидевший рядом с водителем, пальнул в воздух. Ответная пуля попала ему в висок. Подоспевшие на помощь автомобилю заставили-таки этих мерзавцев затормозить. Теперь я думаю, что уж лучше бы они вырвались за город...

Лишившись возможности красиво и с ветерком покататься по городу, парни ничуть не приуныли. Всей гопой они ввалились в ближайший к ним подъезд жилого дома. Причем следует отметить, что, убегая, они захватили с собой переданные деньги и наркоту. Как оказалось, данный подъезд был выбран ими совершенно не случайно. Именно сюда они, похоже, и направлялись. Или знали об этой квартире заранее. Во всяком случае, когда наша группа, бросив автомобили, рванулась вслед за ними по лестнице, по нам сверху врезали сразу из двух стволов. А минутой позже в подъезде загрохотал автомат. Поскольку ни у кого из вбегавших в подъезд такого оружия с собой не было, оставалось предположить, что это оружие находилось именно там, куда они все и направлялись – в квартире. Так что взять их с налету не удалось. Запершись в квартире, мерзавцы начали названивать всем подряд: на телевидение, в правозащитные организации и еще много куда. Нам же они пригрозили, что как только увидят около дома каких-либо представителей спецслужб или полиции, так тут же начнут расстреливать заложников. Их у этих негодяев оказалось неожиданно много, человек семь. Уж каким таким образом они оказались именно здесь и именно сейчас, оставалось только гадать. Выходить нам из подъезда тоже было запрещено. Было озвучено требование не производить эвакуацию других жильцов дома. Негодяи всерьез опасались того, что как только они покинут дом, ничто уже не будет сдерживать осаждающих от немедленного штурма квартиры. Так что прибывшая через полчаса группа из центра специального назначения, злобно чертыхаясь, курила в стороне.

Отморозки выставили на подоконники заложников и сообщили, что при любом подозрительном движении просто вытолкнут кого-нибудь из них вниз. Стоило кому-то из прибывшего полицейского начальства приблизиться на машине чересчур близко, как они тут же привели в исполнение свою угрозу. Одна из женщин с криком вылетела из окна и упала на тротуар. Бросившиеся к ней на помощь медики были обстреляны и благоразумно ретировались назад. Только после долгих уговоров по телефону осажденные разрешили забрать тело. Именно так, поскольку с момента падения ее на асфальт прошло уже около часа. За это время жертва истекла кровью.

Наступила очень опасная ситуация. По всем писаным и неписаным законам с того момента, как террористы начинают убивать заложников, все переговоры с ними прекращаются, и осаждающие готовятся к штурму. Но в нашем случае на стороне этих негодяев выступили дружным фронтом прибывшие им на помощь правозащитники и всевозможные «общественные деятели». Дружно вопя в телекамеры о произволе «кровавой гэбни», они вынудили руководство ЦСН продолжить переговоры. На моей памяти это был первый такой случай, судя по всему, силы, задействованные для поддержки этих сволочей, были и впрямь немалые. Уже выдвинувшиеся на позиции штурмовые группы были вынуждены отойти назад.

С осажденными начались муторные переговоры. Им предложили транспорт, деньги и свободный выход в обмен на освобождение заложников. Первое время они колебались, была надежда, что предложение будет принято. И вот теперь – отказ.

Снова писк радиостанции.

– Восьмой?

– На связи.

– Подойди сюда. Они разрешили проход одного человека в нашу сторону.

Ну, раз так... Выхожу из-под козырька над подъездом, откуда я все время наблюдал за окнами квартиры, и топаю в сторону оцепления. Всей спиной чувствую шарящий по ней взгляд: кто-то рассматривает меня через прорезь прицела. Неприятное и хорошо знакомое ощущение. Приходилось мне и раньше вот так ходить туда-сюда. Только было это достаточно далеко, не думал, что в Москве буду испытывать его снова.

Прохожу мимо насупившихся полицейских. Ребята мрачные, чувствуется, что они тоже весьма напряжены.

Вот и группа начальства, стоят чуть в стороне. На фоне осажденного здания, под прицелом камер стоит «говорящая голова» – заместитель начальника центра общественных связей подполковник Горшенин. Неприятная личность, откровенно говоря. Он вообще не кадровый сотрудник, из политиков каких-то. Прислали его откуда-то сверху, мотивируя тем, что освещать деятельность спецслужб перед общественностью должен человек, пользующийся у этой самой общественности авторитетом и уважением. Абсолютно не уверен в том, что он нужными для этого качествами обладал, но, видать, нажали на наше руководство основательно. Сослались на западный опыт, мнение различных «уважаемых» людей... словом, получил этот деятель погоны подполковника и теперь время от времени вещал что-то такое умное (ну, это как ему самому казалось) с экрана телевизора. Для того чтобы нейтрализовать последствия этого назначения, к нему прикрепили старого и битого жизнью оперативника – майора Максимова, который и следил за содержанием его речей, умело его корректируя. Так что вред от болтовни Горшенина был пока минимальный. Всерьез его никто не воспринимал, он это чувствовал и злился, платя всем той же монетой. Но вот перед телекамерами подполковник совершенно преображался. Откуда только что бралось?! Глядя на него, и впрямь можно было поверить, что он хорошо разбирается в том, о чем говорит. Хрен его знает, может быть, так и было? Не совсем же круглым дураком он был раньше? Вполне мог и научиться чему-нибудь полезному... Бывали, знаете ли, случаи. Система и не таких переваривала.

Подхожу к руководству. Тут почти весь ареопаг. Даже начальник городского управления прибыл. Докладываю обстановку.

– Вот что, капитан, – говорит мне кряжистый полковник, представитель ЦСН. Знаю его, приходилось в деле видеть, серьезный мужик.

– Мы сейчас пытаемся пройти в здание под землей. Придется пробить стену в подвал, обойти кое-что. Давай, время тяни. Эти сволочи попросили им кое-что принести. Пару телефонов, водки. В общем, сходи, поговори, прикинь там, что к чему.

Получаю от него пакет и поворачиваюсь, собираясь уходить.

– Капитан!

Оборачиваюсь. Это Горшенин.

– Подойдите сюда!

О, Господи, ну за что мне этот крест?

– Слушаю вас, товарищ подполковник.

– Что вы можете сказать об обстановке?

Он что, совсем лопух? Что такого он рассчитывает от меня услышать?

– Ничего особенного рассказать не могу.

– Но как же так? Вы же находитесь в самой непосредственной близости к этому месту!

– Ну и что? Ни с кем из преступников я не разговаривал, за руку не держался.

– Преступниками их может назвать только суд! До той поры это обыкновенные граждане, такие же, как и мы с вами.

– Эти самые граждане только выкинули из окна человека.

– Мы еще не знаем всех обстоятельств происшедшего. Это мог быть и несчастный случай.

– Ну, да. А стреляли по санитарам, наверное, со страху?

– Ну, я же должен что-то сообщить средствам массовой информации. Общественность хочет знать, что здесь происходит.

– Общественность и дальше может этого хотеть, товарищ подполковник. Это уж, извините за прямоту, ваша работа, а не моя. Вот схожу к ним, поговорю. Тогда, может, что-то и выяснится. Да и вообще, товарищ подполковник, такие вопросы надо не мне задавать, а руко-

водству. А если уж вам так охота все знать из первых рук, так сходите к ним сами, интервью возьмите.

Ох, зря я это сказал! Горшенин, похоже, всерьез обиделся. Ну, да и бог с ним. У меня и поважнее задачи есть, чем на его обиды реагировать. Прodelываю обратный путь и захожу в подъезд. Оставляю ребятам свое оружие и поднимаюсь по лестнице на пару пролетов.

– Эй, наверху! Не стреляйте, я вам тут посылочку принес!

Молчание. Кто-то возится.

– Ну-ка, поднимись вверх. Руки держи над головой.

Поднимаю пакет на вытянутых руках и выхожу на площадку. Железная дверь нужной мне квартиры чуть-чуть приотворена. Из щели торчит автоматный ствол. Чьи-то внимательные глаза рассматривают меня. Дверь скрежещет, там отодвигают что-то тяжелое.

– Повернись... рубашку задери... Входи. Только чтобы без глупостей. Сам понимаешь...

Когда-то это была относительно большая двухкомнатная квартира. В процессе ремонта стену, разделяющую комнаты, снесли. Теперь это одно большое помещение. Дорогая аппаратура, неплохая мебель. На стоящем в углу диване двое парней деловито приходят какую-то девицу. Она уже совершенно под кайфом, похоже, что окружающую действительность воспринимает крайне слабо. Во всяком случае, на меня эта троица никакого внимания не обращает. Около окна стоит длинноволосый парень, уперев пистолетный ствол в спину стоящей на подоконнике девице.

– Косо взглянешь – я ее грохну.

Приподнимаю руки еще выше.

– Все в порядке, парни. Я принес вам то, что вы просили.

Отдаю одному из них пакет. Тот немедленно его открывает, достает бутылку водки и, подойдя к окну, на котором, вцепившись в оконный переплет, стоит женщина, сдергивает ее на пол.

– Ну-ка, пей! – и он протягивает ей бутылку водки. Да из горла пей, не кочевряжься. Щас, буду я тебе еще стакан где-то искать.

Женщина делает несколько глотков.

– Да еще пей! Полбутылки чтоб выпила!

– Она ж потом с подоконника дербалызнется, – говорю я.

– И чо? Я что ль вместо нее стоять должен? Навернется – туда и дорога! А вот если вы туда чего-то подмешали...

Парень явно под кайфом. Чего уж он там успел нажраться, бог весть. Но глаза у него совершенно бешеные. Такого в чем-либо убеждать – затея бесполезная. Поэтому переключаю свое внимание на одного из двух других отмороzków, стоящих напротив меня.

– Парни, если она упадет из окна, это могут не так понять. И я не берусь прогнозировать, до чего там додумается мое руководство.

Вместо ответа один из них делает шаг назад и кивает влево. Там, на тумбочке, между окнами стоит шикарная плазменная панель. Телевизор включен, и во весь экран раскорячилась физиономия подполковника Горшенина. Кто-то из находящихся в комнате прибавляет звук.

– ... и таким образом могу с уверенностью сказать, что все происходящее находится под полным контролем. В настоящий момент мы ведем переговоры с террористами. Только что туда отправился наш представитель, капитан Рыжов.

«Блин, он что, совсем белены объелся?! Называть в открытом эфире фамилию и звание оперативного сотрудника! Кто его за язык вовремя не дернул?»

На заднем плане вижу искаженное лицо майора Максимова. Не успел парень... Да и то сказать, кто мог предполагать такой ляп со стороны подполковника?

– Капитан, стало быть? – с интересом смотрит на меня автоматчик. – Нас там что, всерьез не принимают? Почему только капитан? Полковника прислать не могли?

– Так я в подъезде сидел, а никому другому вы подходить не разрешили.

– Ага... Рыжов, говоришь? Ильяс! – поворачивается он к сидящему в глубине комнаты черноволосому парню с пистолетом. – Ну-ка, позвони, выясни, что это за птица такая перед нами раскорячилась.

Тот кивает и достает из кармана телефон. Странно, такая компания оттопыренная, а у него относительно скромный «Кьютек». Так... а вот номер он набирает... что-то долго. Динамик у коммуникатора сильный, и я слышу, как происходит соединение. Фигасе...

– Значит, так, капитан! – снова отвлекает мое внимание автоматчик. – Передай там, если нас еще раз назовут террористами...

– А как вас тогда называть?

– Мы идейные противники существующего режима! Понял?!

– Понял. И что я должен буду сказать журналистам?

– Э-э-э... мы вам перезвоним. Пока что можешь топать. Потом поднимешься сюда, сядешь вон там, – он показывает рукой, – у подоконника, на лестничной площадке, чтобы мы тебя видели. Будешь нужен, подзовем. Рубашку сними, чтобы ничего такого спрятать не мог.

– Понял. Могу идти?

– Миха, как там эта телка?

– Закосела вроде...

– Химии в водяре никакой нет?

– А хрен его знает... посмотрим пока.

– Ладно, капитан, можешь топать. Своим там передай, мы шутить не станем. Увидим какую спецуру – грохнем тут всех!

– В общем, хреновое дело, товарищ полковник, – докладываю я представителю ЦСН. Сейчас тут старший он, командование операцией передано в его руки. – Парни абсолютно долбанутые, всерьез ничего не воспринимают. Да там половина под кайфом! Уверены в своей жуткой крутости.

– Всё?

– Нет. Они чего-то ждут, я уверен.

– Правильно мыслишь, – кивает он. – Тут со всех сторон такой вой подняли! Воистину, ангелов во плоти терзаем. Если бы не убитый патрульный полицейский, так их бы уже под белые ручки оттуда вывели да с почетом до больницы и проводили бы. Мол, перекушались детки наркоты, с кем не бывает?

– Тут вот еще какое дело, товарищ полковник... Мы этих парней слушаем?

– Разумеется. А что?

– А то, товарищ полковник, что у них с собою система «Референт». И с кем-то они по ней общаются...

– Ты уверен, капитан? – полковник не на шутку встревожился.

– Абсолютно, товарищ полковник. Приходилось с этой штукой работать самому. У «Референта» сигнал соединения очень специфический. Ни с чем другим перепутать не выйдет.

Полковник озадаченно хмурит брови и подзывает к нам начальника технической группы. В двух словах поясняю ему создавшуюся ситуацию. Немолодой уже майор задумчиво чешет затылок.

– А не слабо ребяташки подготовились. Интересно было бы знать, за каким хреном им подобная штуковина понадобилась.

– Мы их можем как-то расколоть? – спрашивает полковник.

– Никаким образом. Если бы у меня было в запасе хотя бы пара суток, да и то при условии, что они не сменяют ключи, а так... нет, не выйдет ничего, товарищ полковник. Пятьсот двенадцать бит ключ так быстро не сломать.

Еще пару минут он прикидывал различные варианты и в итоге сокрушенно покачал головой.

Возвращаюсь на свое место. Оставляю внизу радиостанцию и пистолет и поднимаюсь на указанное террористами место. Меня тут же окликают из приоткрытой двери и напоминают про рубашку. Снимаю ее и кладу на подоконник. За дверью удовлетворенно хмыкают.

Не знаю, как обстояло дело во всех остальных квартирах данного этажа. Во всяком случае, признаков жизни там не наблюдалось. А в квартире, где сидели отморозки, во всю мощь вещал новостной канал, полностью забивая любые звуки, которые могли бы оттуда донестись. Прошло минут десять, и в приоткрывшуюся дверь выглянул один из отморозков.

– Ты это, скажи своим, чтоб еще водки подогнали. А то у нас бутылка разбилась. Спускаюсь на первый этаж и по рации связываюсь со штабом. Там уже в курсе проблемы и просят меня подойти.

Получив требуемое, снова поднимаюсь к железной двери. Она приоткрывается, и меня приглашают войти. Оказавшись внутри квартиры, никаких видимых изменений не замечаю. Только телевизор орет еще громче.

– Капитан! – окликает меня светловолосый парень с автоматом. – Тут с тобой поговорить хотят.

Он протягивает мне телефонную трубку. Беру телефон и подношу к уху.

– Рыжов у аппарата.

– Сережа? Что тут происходит? Что это за странные друзья твои? Они посадили меня в машину и куда-то повезли. Сказали, к тебе.

Пол долбанул меня в пятки. Это была Наташа, моя жена. Протянув руку, светловолосый забирает у меня телефон.

– Вопросы есть?

– Масса.

– У нас тоже. И еще у нас есть к тебе предложение.

– Какое же?

– Ты сейчас выводишь нас из квартиры и обеспечиваешь проход в соседний подъезд.

– Это каким таким образом? Сквозь стену, что ли, пролезть собираетесь?

– На первом этаже есть проход из одной квартиры в другую. Твоя задача сделать так, чтобы нам открыли дверь. И мы спокойно уйдем. В этом случае никто не пострадает, твою жену высадят где-нибудь в городе. А этих телок мы оставим здесь. Пользуйтесь. Как тебе мое предложение?

– Откуда я могу быть уверен в том, что ты не соврал, и мою жену выпустят?

– Ниоткуда. А у тебя выбор есть, капитан? Так что не советую долго раздумывать. Делаешь, что тебе сказали, – еще и денег подбросим. Откажешься – пеняй на себя. И не обольщайся по поводу штурма. Его не будет. На все у тебя минута. Время пошло.

Главарь оборачивается к своим подельникам и дает им команду на сборы. Черт возьми, он абсолютно уверен в том, что я приму его предложение.

А что будет, если я соглашусь?

Тогда во время своей отсидки у меня будет повод выщипать себе волосы на всех участках тела. Ибо Наташку они не выпустят, это совершенно очевидно. Очевидно также и то, что союзнички у них за нашим оцеплением весьма и весьма неслабые.

– Денег сколько дадите? – спрашиваю я светловолосого.

– Десять тысяч.

– Не врешь?

Он презрительно хмыкает и правой рукой подтягивает к себе толстый баул, стоящий недалеко от него.

А вот этого, парень, делать не следовало...

Как у многих новичков, автомат висит у него на шее. Таскать его просто так в руках этой скотине, видимо, неудобно и тяжело. И как всякий непрофессионал, он потянулся к баулу той рукой, которая была к нему ближе. То есть, правой. И при этом отпустил оружие. Выбрасываю вперед ногу, слегка повернув ее вбок. С сухим хрустом ломается коленный сустав моего оппонента. Захватив его за воротник левой рукой, разворачиваю светловолосого спиной к себе. А моя правая рука ложится на рукоятку автомата.

К-р-р-р... И черноволосый Ильяс влипает спиной в стену. Из его руки, глухо бухнув об пол, вываливается пистолет.

Резкий доворот вправо!

Короткая очередь – и оседают на пол двое отморозков, стоявших у входной двери. Резко падаю на пол, увлекая за собой светловолосого, и над моей головой свистят пули, выпущенные стоящим слева парнем. Так я и думал: первой его реакцией будет попытка выстрелить мне в спину. Ведь мишень настолько удачная и близко стоящая, что промазать по ней просто невозможно. Это, разумеется, при условии, что эта самая мишень будет дожидаться подобной участи. А таковое желание у меня отсутствует напрочь. Зато присутствует оружие в руках. И пользоваться им, в отличие от этих отморозков, я умею хорошо. Парню сносит полчерепа. Кровищей забрызгивает всю спину стоящей на подоконнике женщины.

Выстрел слева! Снова перекатываюсь на другой бок, что-то толкает меня в верхнюю часть плеча.

Рыжеволосая девица, еле держась на подкашивающихся ногах, палит в мою сторону из пистолета. Она в совершеннейшей прострации, и пули с визгом летят во все стороны.

Говорят, наркомания неизлечима. Спорный вопрос. Это смотря чем лечить. Во всяком случае, автоматная пуля излечивает ее быстро, качественно, и навсегда.

Оглядываюсь по сторонам. Похоже, что все террористы и им сочувствующие закончились. Остались только заложники, стоящие на окнах и судорожно сжимающие руками оконные рамы. Переворачиваю светловолосого. Сейчас я с тобой, любезный, вдумчиво побеседую! Только сначала ты позвонишь по телефону.

Увы! Одна из пуль, выпущенных рыжеволосой, угодила ему точно в грудь. То-то меня тогда в грудь толкнуло... И сейчас он на полпути к могиле. Впрочем, теперь уже гораздо ближе. Во всяком случае, говорить с ним невозможно, и звонить по телефону в таком состоянии он точно не будет.

На лестнице топот ног. Снизу ломаются мои ребята. Из всех сил луплю главаря по щекам. Поздно... В себя он так и не пришел. Все, что я успеваю сделать перед тем, как распаивается входная дверь, это протереть платком рукоятку автомата и вложить ее в руку главаря.

Поворачиваюсь к двери и открываю рот, чтобы предупредить ребят.

Бумс!

Что-то с неслабой силой долбит меня по голове.

Черт возьми, я что, не всех их еще перестрелял?

Последнее, что успеваю еще услышать, была короткая автоматная очередь...

Пришел в себя я на госпитальной койке. Провалиться там пришлось около двух суток и поэтому основной взрыв негодования в «свободной» прессе я пропустил. А был он очень даже неслабым! И весьма хорошо подготовленным. Были в деталях расписаны биографии «молдых интеллектуалов», их нелегкий путь и «трудная» жизнь. Но, только набрав разгон, кампания эта с визгом притормозила. Да так, что некоторые «товарищи писатели» повываливались за борт. Центр общественных связей не постеснялся опубликовать материалы, из которых явствовало, что эти подонки попросту перестреляли друг друга. И только последний из них (точнее, последняя) погиб в перестрелке со штурмовой группой. Предварительно ранив переговорщика (то есть – меня), причем выстрелом в спину. Правда, попала она отчего-то в голову,

хорошо хоть вскользаяк... Доказательства были более чем убедительными и очевидными. И опровергнуть их было... ну, просто нереально. Видеосъемка велась нашлемными камерами с момента захода группы в подъезд и была обнаружена чуть ли не на месте происшествия. Единственным шансом «свободной прессы» оставался я. И оттого у ворот госпиталя круглосуточно дежурило несколько машин с этими стервятниками. Уж очень не хотелось им сворачивать столь тщательно подготовленную операцию. Но первым меня увидел Дед.

Не успел я открыть глаза, как он тут же нарисовался около койки. Присел на край. А глаза у него воспаленные... не спал?

– Как ты?

– Живой...

– Там, за дверью, прокурорский сидит. Как ворон крови, тебя жаждет. И на улице несколько бригад этих... «борзописцев», – с ударением на «с» сказал генерал.

– И что им всем от меня надо?

– Обстоятельства происшедшего хотят прояснить.

– И что же такого особенного они от меня услышать хотят? У вас ведь запись их разговоров есть?

– Может найтись...

– А может, и нет? Вы же им телефоны не простые дали?

– Правильно соображаешь.

– Угу... После моего захода в квартиру они начали спорить, потом главарь открыл огонь по своим подельникам. Они начали стрелять в ответ, и кто-то из них попал в меня.

– Причина спора?

– Деньги. Он полез в баул и закричал, что кто-то взял часть денег. После этого начал стрелять.

– Да, заложники подтверждают, что слышали разговор о деньгах. Даже сумму называли: десять тысяч долларов.

– А за что такие денежки полагались? И кому?

– Этого они не расслышали.

– Живы-то хоть все?

– Как только в окна со страху не попадали! Живы, что им сделается. Стреляли-то не по ним.

– Вы же знаете, что мне сказали террористы?

– Да. Мы ее не нашли, Сережа. Извини, но... слишком поздно начали искать. Мы ищем ее и сейчас. Тебе тоже никто не мешает этим заняться, когда выпишешься. Все вопросы я утрясу.

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант.

Хазин встает с кровати, наклоняется и крепко жмет мою руку.

– Сережа, помни, мы всегда рядом, одного тебя в беде не оставят. Приложим все силы, чтобы ее найти.

Он выходит из палаты. А минут через десять, торопливо дожевывая на ходу бутерброд, в дверях появляется следователь прокуратуры.

Сегодня был точно не его день... Многочисленная толпа журналистов тоже удалилась несолоно хлебавши.

Единственным моим утешением было то, что подполковник Горшенин вылетел со службы в двадцать четыре часа. Не помогли ни высокие покровители, ни прочие заслуги. Как еще не посадили-то, удивительно.

А Наташку так и не нашли...

Утро началось, как всегда – писаниной. То есть прилежным заполнением рабочей тетради. В которую каждый оперработник обязан был записать все дела, которыми он планирует сегодня заниматься. И никого в реальности не чесало, что абсолютно в любой момент оного опера могут враз отправить за Можай, выполнять что-то несусветное. Так что за невыполнение написанного могли взгреть (и взгревали!) весьма чувствительно. Никакие ссылки на приказы руководства не работали в принципе. Когда к нам занесли эту бредовую идею, родившуюся в свое время в недрах МВД, ребята сначала просто офигели от такой дури. Пораздумав, взяли пузырь и поскакали к коллегам из этого ведомства – советоваться. Вернувшись назад, быстро выбрали наиболее языкастого товарища и спихнули на него всю эту хренотень. Первое время прокатывало. Виталька, высунув от усердия язык, за пару часов заполнял эти тетрадки за весь отдел. И всех это устраивало. Пока неожиданно быстро расплодившееся оргинспекторское управление (а только недавно отделом было ведь!) не озадачилось тем, что все эти бумажки заполнены одним почерком. Кара последовала незамедлительная. Начальника нашего отдела выперли на пенсию, Витальке вкатили выговор, да и всех прочих тоже не обошли.

Так что теперь сидим и пишем сами, убивая на эту писанину приличную часть рабочего времени. Когда я в свое время пожаловался на эту бредятину Семеновичу, одному из наших старых волков-оперативников, тот очень быстро разрешил мои сомнения.

– Видишь ли, Серега, ты еще молод (ну, относительно него – так и вовсе...), многого не понимаешь. А я уже на этом месте много всякого начальства пережил, могу сравнивать. Сейчас в стране идет целенаправленная кампания по развалу силовых структур. Что мы, что армия – одинаково всем мешаем. И если с армейцами уже, в принципе, почти разобрались, то вот мы еще держались как-то.

– А МВД? Они ж теперь полиция – им вроде бы всего добавили?

– Ага. И от народа оторвали совершенно! Они теперь уже не народная милиция, а государственная полиция. И раньше-то не слишком от народа они зависели, а уж сейчас... Сейчас любого из них, не спросив ничего, могут отправить из Москвы в Воркуту – дать по ушам местному населению, с которым у москвича ничего общего, просто в принципе, нет. И оттого ему все чаяния и проблемы местных – по барабану. А москвичам холку намять приедут воркутинские. Ровно с таким же отношением к местным реалиям. Так что с полицией уже разобрались. И раньше-то над ними почти никакого контроля не было, а уж нынче... Беззубые «общественные советы» только на бумаге и есть, в реальности о них никто ничего не слышал никогда. Так что теперь начальник УВД – местный царь! Чуток послабее мэра и губернатора, конечно, но тоже – фигура влиятельная.

– Ну, а писанина здесь причем?

– При том, Сережа! Ты посмотри, кому у нас все поощрения в последнее время выпадают? И за что? Тем, кто грамотно отчитаться может! У кого отчетная документация в порядке! А работа и ее результаты... как-то вот на второй план отошли, не до них стало.

– Но отчего так? Что, у нас в руководстве сплошные бараны сидят?

– Нет, конечно. Там умных людей хватает. Но жгучее желание знать ВСЕ о каждом сотруднике, чем он там дышит и куда лезет, перебороло абсолютно все. Когда ты держишь руку на пульсе (или хотя бы думаешь, что это так) и в любой момент можешь четко доложить наверх, кто и чем у тебя в настоящий момент занимается – это в глазах руководства суперплюс! Не можешь, значит, не владеешь оперативной обстановкой, не контролируешь личный состав и т. д. и т. п. Оттого и пишем. А заодно и работаем меньше. Да и, кроме того, распишешь ты все свои планы вперед, ребятки из оргинспекторского их в комп забьют, одно нажатие кнопки – сразу видно, кто и на что нацелился. Кого притормозить надо, а кого и подтолкнуть. И в дела особо вникать не надобно. Зачем, когда эти ушлые парни все уже заранее проанализировали и по полочкам разложили? А то, что мы меньше делом занимаемся... кого это чешет? У нас все выговора и плюхи в последнее время за что? За несвоевременно сданный отчет да непра-

вильное заполнение служебной документации. А за ошибки в работе – нет ни единого. Вот так нас постепенно приучают к тому, что главное это не работать, а вовремя и правильно отчет написать.

– Да уж... обрадовал ты меня...

– А мне самому-то каково? Одна надежда на то, что передерутся они там, пирог барский разделяючи, да не до нас станет.

– Это ты про кого?

– Ну, не у нашего же руководства эта идея возникла? Среди них дураков, пока что, нет. Понимают, что, ежели и мы беззубыми станем, так и их влияние упадет – ниже некуда. Это все сверху спущено. Вот их-то я и имею в виду. Оттуда весь этот бред с всеобъемлющим всеобщим контролем спущен. Как идея, допускаю, она, может быть, и не так плоха. Раздай каждому оперу по современному коммуникатору, да включи их в сеть, как вон у ребят из Ясенево¹ это сделано – вот тебе и результат! Только это все – процесс затратный. И главной цели, снижения эффективности работы конторы, он никак не обеспечивает, напротив – только повышает. А вот писанина эта – самое то! Вроде при деле все, вон какой штат дармоедов в оргинспекторский отдел набрали – уже чуть не больше нас он стал. И звания им, кстати говоря, аккуратненько и в срок идут. Только вот результатов работы нет – все сидят и пишут. И с каждым днем – все больше. Работать уже стало некому. На каждого опера – по одному начальнику и одному проверяющему.

– Это ты, Семеныч, загнул! Настолько-то у нас с ума не сошли еще!

– Ну, так сойдут вскорости. Коли к этому руководящая воля есть...

Так что мотаем высказывания старших товарищей на ус и прилежно заполняем этот гроссбух.

Правда, вскоре меня от сего полезного занятия оторвали. Негромко прогудел телефон.

Поднимаю трубку.

– Слушаю вас!

– Рыжов? – спрашивает дежурный. – Зайдите к начальнику управления.

Так-с-с... А это еще за какие грехи? Вроде бы за мною ничего такого нет, чтобы уж сразу на ковер к генералу тащить? Дядька он, в принципе, неплохой. Еще той, старой закалки. Попусту никогда не шумит, но если уж попался ты на чем-нибудь... готовь ведро вазелина... За Можай – не за Можай, а куда-нибудь далеко загнать вполне может.

Поднимаюсь на два этажа, сворачиваю. Короткий коридор и дверь с табличкой – «начальник управления». Нечасто мне, да еще и в одиночку, приходилось здесь бывать. И каждый раз это имело все шансы закончиться плохо. Или очень плохо. Во время последнего моего визита к генералу я получил назначение на должность старшего группы дальнего прикрытия одной важной встречи. Таких встреч уже приходилось обеспечивать немало, вот и эта ничем особенным не отличалась. Встретились высокие договаривающиеся стороны, поговорили, уже и по домам было собрались. А в километре от места встречи осталось лежать трое наших ребят. Уже холодных. Да раненых было четверо. Один я уцелел, без царапинки обошлось. Генерал тогда только головой покачал... Зато потом, когда уже в самолет грузились, подошел он ко мне и руку пожал крепко. Погибшим тогда обломилось не только ордена да медали, но и семьям помогли – кстати говоря, весьма существенно.

Перед дверью останавливаюсь и оглядываюсь. Все ли в порядке? Нигде ничего не висит? Генерал, хоть и не строевик, но расхлябанности во внешнем виде не допускает. Нет, вроде бы в норме все.

¹ Жаргонное название Службы внешней разведки.

Захожу в секретариат. Тут вместо милой барышни, как это водится у других, сидит мрачного вида старший прапорщик Могутов. Мужик он заслуженный, только по ранению к реальной работе уже не годен. Вот Хазин и посадил его на секретарское место. И, надо отдать должное, не прогадал. Третий прапор словно тут родился. Во всяком случае, никого другого тут уже и представить было невозможно. У меня с ним отношения вполне себе ровные, спец он, как говорится, от бога. Начинал еще при старых временах, даже Жукова, говорят, видел. А наградные часы у него – так вообще от дяди Васи!² Это тоже не за просто так доставалось. Особенно в те времена. Иногда, когда мы всем отделом выбирались на воскресный отдых (есть у нас такой неприметный санаторий...), он там много чего рассказывал и показывал. И, несмотря на свой приличный же возраст, легко мог дать фору и молодым парням. А уж как он стрелял... в пору было локти изгрызть от зависти!

– У себя? – спрашиваю я Могутова. – Один?

– Один, – кивает он. – Ждет, велел сразу заходить.

Ага... один, значит... Тут одно из двух – либо разгоняй неслабый, либо задание аналогичное. Особых грехов за мною пока не числилось, стало быть, второй вариант вероятнее. Тем более что за спиною прапора всеми огоньками светилась спецпанель защиты. Такое, насколько я помню, нечасто бывало. Не жаловал начальник управления подобную технику. Хотя со всех прочих нещадно спрашивал за это дело.

Стучусь в дверь и, дождавшись разрешающего ответа, вхожу.

Кабинет у генерала основательный, окна почти все зашторены, только на него самого падает лучик солнечного света.

– Товарищ генерал-лейтенант! Майор Рыжов по вашему приказанию прибыл!

– Садись, майор, – кивает он мне на столик в углу. Поднимает трубку. – Василь Петрович, чаю нам организуй.

Так... разговор, судя по вступлению, надолго. Что-то не помню я, чтобы Хазин кого-то из нас чаями поил просто так. Это обычно выступает прелюдией к чему-то весьма хреновому.

Мрачный секретарь генерала расставляет на столике чашки, ставит вазочку с вареньем и уходит.

– Наливай, – присаживается напротив меня генерал. – Варенье вон клади – вкусное.

Пару минут молча звеним чашками и ложками. Хазин что-то прикидывает, это хорошо заметно. Редкий случай – он нервничает! За пятнадцать лет работы с ним я это вижу впервые.

– Вот что, Сережа... – вдруг говорит он. – Сколько лет мы друг друга знаем?

– Больше пятнадцати, товарищ генерал-лейтенант.

– Без чинов, Сережа.

– Хорошо, Олег Петрович. Что-то важное?

– Да как тебе сказать... Ты уже не первый год меня знаешь, ведь так?

– Так, Олег Петрович.

– Я хоть раз что-то кардинально неправильное сделал?

– Не припомню такого, Олег Петрович.

– А ты, насколько я в курсе, увольняться собираешься? Рапорт два раза уже писал... Что ж не ушел еще?

– Если честно, Олег Петрович, то... задолбало все! Писанина эта дурацкая, да и во всем остальном... у меня в этом году два перспективных дела на реализацию выходили. Мы на это всей толпой два года пахали, как папы Карло! А в итоге? Одного даже задержать не дали – депутатская неприкосновенность, избранник народа! Служение Родине однако не помешало ему резко из страны свинтить, как только он учуял вокруг себя телодвижения опасные. А со вторым и вовсе гнусно вышло – судья ордер не дал. Как же – видный общественный деятель,

² Первого командующего ВДВ Маргелова.

борец за экологию. Нас за границей не так поймут! Этот скот еще и интервью прессе после дал. Естественно, за кордоном уже. Расписал в красках свою героическую борьбу с наследниками кровавой гэбни! Так прямо и признался – мол, пакостил и шпионил! И негодяем себя не ощущаю! Ибо делал это во имя прогресса всего человечества. А нам потом всем выговора вкатили... за что?!

– Так что ж не ушел-то? Выслуги у тебя хватает, с боевыми – так и подавно.

– Да пацанов молодых пожалел! Ни опыта у них, ни хватки... таких дел наворочать могут... на свою задницу, в первую очередь.

– Это верно. Ты у нас офицер боевой, помимо Чечни, еще кое-где побывал, пороха понюхал. Есть у тебя опыт, признаю. И голова на плечах, что по нынешним временам – роскошь небывалая.

– Ага. И язык... дюже острый.

– Оттого ты еще и не подполковник. Честно скажу, подавали на тебя в прошлом году. Наверху посчитали преждевременным: мол, невыдержан, выговора есть. Служебную документацию ведешь небрежно, с руководством пререкаешься... Мне даже попеняли – не тех, мол, продвигаю!

– Не знал...

– Забей! Так, кажется, сейчас говорят? У меня к тебе разговор другой есть...

Хазин встал, жестом показав, чтобы я оставался на месте. Подошел к большому столу и взял с него папку.

– Слушай сюда, Сережа! Дело это непростое и опасное! Сразу тебе говорю – отказаться можешь! Прямо сейчас. Пока я тебя в курс дела не ввел еще. Наград и, как это модно говорить, дивидендов, не будет никаких. Если только трендюлей выпишут. Да таких! Впрочем, в этом случае не только ты их огребешь. Это, как ты понимаешь, минусы.

– А плюсы тут есть?

– Есть. Только не слишком очевидные. Зато можно очень здорово подгадать всей этой толпе христопродавцев. Не факт, что только этим все и ограничится, тут последствия могут быть и вовсе непредсказуемыми. Но спрогнозировать это я не могу, данных мало. Но то, что десяток-другой отъявленных мерзавцев там, – палец генерала ткнул в потолок, – можно сказать, на кол сядут, это почти наверняка. Ну, и на западе мало не будет... Сразу говорю, жизнь твоя, опосля этого, может очень резко измениться. И очень возможно, что не в лучшую сторону. Мы, конечно, постараемся тебя поддержать и подстраховать, но и я не Господь Бог!

– «Мы»?

– А ты внимательный! Все так. Не один я тут. Но про это тебе знать не нужно. Вообще. Что в голову придет – там и держи. Так что – думай! Минут десять у тебя есть. Чаю налей, хочешь – коньяку плесну.

Генерал вернулся за письменный стол, оставив передо мной папку. Зашелестел там какими-то бумагами.

Так... задал мне Дед (так у нас называли Хазина) задачку... Что там делать-то нужно будет? Ясен пень, что не просто пристрелить какого-нибудь сволочугу. Этим делом у нас уже никто, похоже, и не занимался. А жаль, между прочим... Я им пару-тройку кандидатов бы подкинул. Что-то откуда-то изъять? Корону Российской Империи? Сокровища Алмазного фонда? Чушь...

Что меня тут держит? Квартира мне от предков досталась, так что ее я уж всяко не потеряю. Зарплату срежут? Куда ж еще-то?

Выговорешник навесят или вовсе попрут со службы? Да и... хоть на три буквы напоследок принародно пошлю.

– Согласен я, товарищ генерал-лейтенант!

Показалось мне, или Хазин все-таки вздохнул с облегчением?

– Добро, Сережа, рад, что не ошибся в тебе.

Он снова присаживается рядом со мной.

– Чтобы было понятнее, некоторая предыстория. – Генерал наливает себе в чашку чаю. – Помнишь ли ты, как мы вступали в ВТО и Евросоюз?

– По правде говоря, Олег Петрович, иных слов, кроме матерных, у меня в голове не осталось.

– Не только у тебя. Просрали мы тогда столько, что язык устанет перечислять. А самой большой ошибкой нашего президента было публичное покаяние перед всеми этими... обиженными. Последствия мы до сих пор хлебам полным ртом. Правда, и «демократы» наши только что на заднице у себя волосы не рвут с отчаяния. Такой момент упустили! Столько планов было, да, как всегда, они все прое. ли. Уж слишком тогда Западу были нужны наши солдаты в Афгане и Африке. Не было времени больше торговаться, у них и так земля под ногами там горела. Полгода максимум – и просто убежать пришлось бы. Или ядерное оружие применять. Никакого другого варианта не было. Так что обошлись мы малой кровью. Ну, это нам тогда так казалось... сейчас-то, задним умом, всем понятно, что надо было просто выждать. Не лезть туда, сами бы они потом в ужасе приползли. Мы-то тогда в стороне стояли, нас этот бардак мало затрагивал. Но... соблазнились у нас многие вывесками красивыми да беспопылинным въездом-выездом. Вот и поехали... до сих пор тормозим.

Хазин поставил на стол пустую чашку.

– Короче говоря, опосля того, как из нас все выкачали, да бардак чуток притих, снова они задумались над нашей судьбой. Как ни странно, мы за это время не окочурились, тем самым множество людей уважаемых приведя в конфуз основательный. Вот и снова понеслась та же песня. Тем паче, что и в Африке народ опять бузить начал. Собственно говоря, и не переставал никогда, просто это как-то замалчивать выходило. Но как достигло количество «беженцев» в Европе критической массы, тут оно и жажнуло! И выкатили Западу ультиматум – жрать давай! Когда вместо плуга в руках автомат, то повышению урожайности это никак не способствует. А утихомиривать их там некому, после Каддафи покойного в тех местах лидеров больше не осталось. И раньше в тех краях с едой было кисло, а сейчас – вообще атас! Вот просвещенная Европа от них и откупалась. Деньгами, продовольствием, всякой прочей ерундой. Лишь бы не воевать! А воевали за них наши парни. Да ты и сам знаешь, тоже через это прошел. Однако же держать джинна в бутылке долго не вышло. Тем паче, что «беженцы» уже гражданами Евросоюза стали и орать принялись громко и настойчиво. Либо берите нас сюда, либо кормите там. Демократия... А кормить их нечем. Самим не хватает. Нет, если пояса затянуть, сколько-то времени эту бодягу можно и дальше продолжать. Но отобрать у приличного господина его привычную утреннюю булку? Такое и помыслить невозможно! Стали люди умные искать – у кого можно хавчиком разжиться? Да желательно так, чтобы еще и не платить за это ничего. И нашли.

– Неужто у нас, Олег Петрович?

– Точно, Сережа. У нас.

– Это где же такое сыскалось? – искренне удивляюсь я. – Все ж давно прожрали да распродали!

– Не все... Ты про Росрезерв слышал что-нибудь?

– Кто ж про него не слыхал! Контора, что запасы на случай войны хранит. У них там подземелья всякие да ухоронки. Много там, не спорю. Но это же наш стратегический запас! Его отдать – так проще уж самим штаны снять и к ним задом повернуться.

– Это с твоей точки зрения так. И с моей. А с позиции «защитника демократии», да западного политика, все это выглядит жутким жлобством! Сами не жрем – это хрен бы с нами, быстрее подохнем. А вот то, что никому не даем... Это уже вещь непростительная! Еще когда

при первом президенте, не к ночи он будь помянут, информация об этом за кордон ушла, там все просто на уши повставали.

– Так знали ж, небось?

– Знали, конечно! Но масштабы представляли весьма приблизительно. А тут – получили полную (ну, это они так думают) информацию. И вот тут «в зобу дыханье сперло»! Представляешь, какие жуткие бабки на всем этом наварить можно?

– Перепродать?

– А кто тебе сказал, что это все у нас покупать собрались?

– Как же так? Мы что, на халяву все это отдать должны?

– В корень зришь! Не на халяву. Нам спишут часть долга перед «пострадавшими от советской оккупации странами». Ясен пень, что не весь. Мы, таким образом, внесем свой посильный вклад в спасение голодающих на Африканском континенте. И будем уже полностью допущены в «братскую семью просвещенных передовых государств»!

– Ага, это у нас прибалты «просвещенные»? С поляками заодно?

– Злой ты, Сережа! Добра не ценишь!

– По мне, так если бы на этом месте вдруг все к чертовой матери попроваливалось бы, так я и не сожалел бы ни разу!

– Не все ж там такие сволочи...

– Раз согласны на то, чтобы нас таким образом грабили – все! Во всяком случае, я что-то не слыхал, чтобы там кто-то от такой халявы отказался. А теперь, значит, мы сами должны все карманы вывернуть? Да в ротик к ним положить?

– Нет, западники милостиво берут на себя транспортировку и распределение гуманитарной помощи, которую осознавшая свои заблуждения Россия щедро жертвует на благое дело. То есть – продукты отдадим мы, а навар с этого снимет... понятно кто.

– И что, нашлись у нас бараны бестолковые, которые на это согласились?

– Нашлись, Сережа, причем на самом верху. Президенту буквально ультиматум выкатали – отдай!

– Кто?

– Да есть у нас такие... рукопожатные общечеловеки. И в коридорах власти не первый год прописанные. Кто олигарх, кто «общественный деятель»... много их. Людям популярно напомнили – кто в доме хозяин. В чьих банках их денежки лежат. Для остротки публично прижали парочку.

– И нашли, за что?

– Было б болото, а черти напрыгают! Чтобы у этих-то, да не нашли? – генерал саркастически усмехнулся. – Ну, а уж когда оставшихся пообещали к дележке допустить... В общем, президент упирался около года. Теперь дожали.

– И что?

Хазин встал и подошел к окну. Наклонился, опершись на него руками. Постоял так пару минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.